

Семён мало что помнил из своего детства. Время шло медленнее тогда, дни перетекали один в другой, не отделишь. Помнился отец – в те годы моложе, большой и сильный; он возвращался поздно вечером с завода, долго откашливался и фыркал, пока мыл руки, и только после усаживался за стол. Иногда он играл с Семёном, обзывал в шутку балбесом и проходимцем, в воздух, правда, уже не подбрасывал – говорил, руки не те стали. Помнилась мама – маленькая, черноголовая, тихая. Она читала Семёну сказки с большими яркими картинками, а вечерами сидела с шитьём в углу дивана, иногда поглядывая в полглаза на бормочущий телевизор. Иногда же, обычно летом, когда темнело медленно, все трое собирались на веранде и пили чай с мёдом и вареньем, пчёлы залетали в окно, а снаружи дышали липы и донник.

В один же из таких вечеров – хотя нет, это было утро, но тоже летом – к ним приехала Лиза. Комната была нагрета солнцем, и на стенах, всюду лежали янтарные пластинки – в эту-то комнату и вошла Лиза: вся в окружении летящих оборок белого платья, светлые локоны выбиваются из-под маленькой шляпки, в руке – небольшой клетчатый чемодан. Она вошла смеясь, и от неё пахло цветами – чем-то весенним... Ландышем? Семён не видел её раньше и недоверчиво встал в дверях, насуплено поглядывая на гостью.

– Сёмочка, – мама приблизилась к нему, чуть подтолкнула, обхватив сзади за плечи. – Это же твоя сестра, Лиза. Не узнал?

– Он меня не помнит, – всё так же смеясь, ответила пришелица в белом. – Сколько ему сейчас, восемь? Когда меня увозили, был совсем крошкой.

Проходя, она мягко улыбнулась Семёну, но потрепать по щеке не попыталась, как это делали многие незнакомые тётки (за это Семён не любил их).

Дальше был долгий день, Семён убежал играть с приятелями, и до вечера они провозились в пыли и грязи, стараясь выстроить плотину для большой лужи. Плотина так и не получилась, хотя они всё же водрузили флаг на уцелевшую часть и, довольные, начали расходиться.

Дома мама назвала его поросёнком и немедленно отправила умываться. Семён даже не стал протестовать – теперь он, наверняка, был почти как папа. Ещё немного подрасти, и можно будет ходить вместе с ним на завод.

После же, проходя по коридору, он услышал, как из комнаты доносятся звуки негромкой мелодии. Это было пианино. Семён узнал его, ведь и сам иногда стучал по клавишам из интереса. Но он не помнил, чтоб когда-нибудь кто-то играл на пианино по-настоящему – так, чтоб взаправду получалась музыка.

Он вошёл и увидел в комнате Лизу. Семён уже успел позабыть, как она приехала утром. Лиза наигрывала светлую и лёгкую мелодию, чем-то похожую на её платье, разве что чуть-чуть грустную – почти незаметно, будто где-то стучит летний дождик.

Проиграв одно и то же несколько раз, она обернулась к Семёну:

– Ну как? Нравится?

Он снова старательно насупил:

– Тут же нет слов.

Лиза звонко рассмеялась:

– Абсолютно прав, ни единого слова! Погоди-ка... – она вновь развернулась к пианино. – Мальчикам положено другое.

И она заиграла иную музыку – радостную и воинственную, словно целые ряды шли вперёд стройным шагом. Вдобавок Лиза запела на незнакомом, чудном языке, Семён не понял ни слова, но всё равно отчего-то дух захватывало. Казалось, что будь эта песня с ними, когда они строили плотину, то сумели бы построить не только её, но и что-то куда больше, огромнее, и поставить флаг на самой вершине. Пусть только Лиза идёт впереди – в облаке белых ленточек и оборок, со звонким, почти как у девчонки, голосом (а выглядела совсем как взрослая) – и ведёт за собой остальных.

Вошёл отец, остановился сбоку от неё.

– Лиза, ты не могла бы играть что-нибудь другое?

Она вскинула голову, удивлённо захлопала глазами:

– Чем тебе не нравится марсельеза?

– Ребёнка не развращай, – он кивнул на Семёна.

– Я же на французском! – Лиза беззаботно рассмеялась. – У нас сейчас все её поют...

– Лизочка, «у нас» – это не «у вас». Не надо. Хорошо?

Уже позже, за чаем, Семён из разговоров уяснил, что Лиза прибыла сейчас к ним на каникулы и что приехала она даже не из далёкого и загадочного Ринордийска, где училась в каком-то «паснёне», а из ещё более далёкой и загадочной страны за границей. Разговаривали много и охотно, только отец фыркал каждый раз, как Лиза начинала про «новые порядки» и своих знакомых из какого-то «движения». Лиза смеялась и умолкала, но, погодя, упоминала их снова, даже не к месту – казалось, уже для того только, чтоб слегка папу подразнить.

Когда мама укладывала Семёна спать, он спросил, как же так Лиза попала за границу. Мама сказала, что Лиза теперь

учится там, потому что с кем-то поменялась. Да, кажется, так она сказала...

В следующий раз он увидел Лизу утром, когда она сидела на солнечной, пропахшей деревом веранде и листала книжку. Взбитые вчера светлые локоны были теперь прибраны, но спутать Лизу с кем-то ещё было бы сложно: она всё равно казалась слишком не отсюда, будто возникла негаданно из летнего воздуха.

– Что ты читаешь? – спросил Семён, осмелев.

Она приподняла книжку и показала обложку, но Семён всё равно не разглядел: очень уж тёмная, и буквы закорючистые.

– Стихи. Хочешь, одно прочитаю?

– Фу, не люблю стихи, – заявил Семён. Ему сразу вспомнились уроки чтения и что лето когда-то закончится.

– Ну подожди, – Лиза перелистнула несколько страниц. – Вот. Тебе, может, и понравится.

Нет ни тропинки над нашей пропастью,

Но ты во тьму шаг за шагом иди.

Может, падём под вертящейся лопастью,

Может, сумеем путь в утро найти.

Ночью ли, вечером в поле затеряны,

«Да» или «нет» слова не говори.

В бликах пожара стоим до последнего –

Может, в конце мы дождёмся зари.

– Ну что? – закончив, спросила Лиза.

– Здорово, – признался Семён. – Только я не понял, о чём это.

– Мне оно тоже нравится, – лениво протянула Лиза. – А вырастешь – может, станет понятнее.

Наверно, тогда впервые – да, наверно, тогда – он заметил, что за её улыбкой и полуприкрытыми веками червячком

схоронилась едва заметная печаль. Но от чего она, Семён не понял.

– Кстати, ты, Сёмочка, возможно, и дождёшься зари. Сейчас только и говорят повсюду... Много чего говорят, – она со смехом захлопнула книжку, заложив страницу засушенной веточкой. – Пойдём лучше погуляем!

Вскоре она уехала.

Случай с пианино объяснился много позднее – осенью или, может, следующей весной. По всему выходило, что весной, но только за окном было сыро и сумрачно, а они втроём сидели у телевизора в ожидании вечерних новостей.

– А, допелись свою марсельезу, – проворчал папа, глядя на экран. Там мелькали лица, люди, все шли куда-то или стояли и объясняли. Сколько понял Семён, говорили о предстоящей казни провокаторов: они объявили забастовку и подбивали людей на мятеж.

Мама оторвалась на минуту от вязания, украдкой взглянула на экран.

– Они же совсем ещё мальчишки, – тихо проговорила она.

– Ничего, ввязались во взрослое дело – должны отвечать, как взрослые люди, – отец насмешливо фыркнул. – Император им не нравится, видите ли.

– А если б это были твои дети? – сказала мама ещё тише, но отчётливо.

– *Мои* дети там бы не стояли. А всякой швали туда и дорога.

Мама перестала вязать и просто смотрела какое-то время на свои руки.

– Прекрати, – произнесла она странным стиснутым голосом. – Прекрати!

В комнате повисло молчание. Очень редко мама говорила так – как будто сейчас заплачет. Семён помнил только раз или два до того.

– Нина, – папа обошёл диван, неловко обнял маму за плечи.
– Ну, не хотел я. Извини.

Революция произошла через два с половиной года. Ещё немного позднее Семён подрос и начал ходить вместе с папой на завод. А мама вернулась в школу – учительницей истории.

О Лизе же он никогда больше не слышал. Иногда Семёну начинало казаться, что ему приснилось всё это – летний день, летящие белые оборки, звуки пианино... Впрочем, много лет спустя до него доходили слухи о Лизе. Говорили, что, когда у неё долго не ладилось с личным, а может, светлые идеалы дали трещину – или и то и другое сразу, Лиза, с весёлым по-обычному видом, то и дело разгуливала по зимнему городу в лёгоньком плаще и, конечно, скоро слегла с пневмонией – летальной. А может, её и перепутали с кем-то, и настоящая Лиза была жива и здорова – в Ринордийске или где-то ещё.

